

ПОСЛЕ

ТРУДОВЫЕ ПРАВА

Содержание

3 «Бюрократы теперь короли».

**Как война и мобилизация изменили жизнь
промышленных рабочих**

**11 «Ущерб от оптимизации никакая
мобилизация не перекрыла».**

Как живет здравоохранение в дни войны

**21 «Все время тяжело было». Как война
и мобилизация повлияли на труд
работников торговли**

**29 Военная гигиена:
труд и государственный капитализм
платформ в России**

**37 «Сам факт проведения этих
занятий неприятен».**

О нововведениях в российской школе

«Бюрократы теперь короли»

Как война и мобилизация
изменили жизнь
промышленных рабочих

Азамат Исмаилов

Десять лет назад начальник цеха оборонного «Уралвагонзавода» Игорь Холманских пообещал Владимиру Путину «выйти с мужиками и отстоять свою стабильность».

Речь, за которую подхалим был осыпан почестями, сыграла важную роль в становлении лубочного мифа об «условном “Уралвагонзаводе”» — консервативном пролетариате, видящем в Путине гарантию от экономических и политических потрясений и готовом поддерживать его при любых обстоятельствах.

В октябре 2022-го призыв «отстоять стабильность» мог бы показаться экстремистским. Рутинное существование рабочего класса рушится на глазах. И виной тому не «митингующие горлопаны», а власть, развязавшая агрессивную войну.

Как война отразилась на предприятиях

До войны крупная промышленность обеспечивала занятым в ней если не высокие, то «белые» (легальные) и регулярно выплачиваемые зарплаты, позволявшие рабочим вести в целом сносное существование.

Санкции, разрыв логистических цепочек и прочие экономические последствия войны ударили по индустриальному комплексу. Однако разные отрасли пострадали в разной степени, а некоторые даже испытали что-то вроде эйфории.

Среди наиболее «покалеченных» оказался автопром. Критическая зависимость от иностранного (в основном западного) капитала, технологий и комплектующих привела сектор к глубокому кризису уже в первые месяцы «специальной операции».

По августовским данным Росстата, выпуск легковых авто за год упал на 70%, а число вакансий в автоиндустрии (согласно интерактивной карте рекрутингового портала HeadHunter) — на 49%.

Автозаводы, принадлежащие ТНК, закрылись или приостановили производство на неопределенный срок, отправив работников в нескончаемые и лишь частично оплачиваемые простои.

В итоге тысячи автомобилестроителей, еще недавно считавшиеся относительно благополучной частью

рабочего класса, вынуждены все ту же затягивать пояса.

«Питер сильно пострадал после 24 февраля. Местный автопром [в основном представленный иностранными компаниями] практически уничтожен. “Тойота” закрылась, “Ниссан” и “Хендэ” до сих пор в простое. Там работники с февраля сидят на двух третях [зарплаты, составляющей около 50–60 тыс. рублей в месяц]. Все, с кем мы общались, жалуются на цены; на всех давят кредиты. Люди перестали ездить в отпуска, проводя их либо в деревне, либо дома. Практически никто не поехал в Сочи, Турцию или Крым, опасаясь, что не смогут платить ипотеку», — рассказывает Михаил (имя изменено по просьбе собеседника), координатор межрегиональной сети активистов, занимающихся профсоюзным оргнайзингом.

По сути, речь идет о скрытой безработице, которая скоро может стать явной. Предпосылок к тому, что иностранные концерны возобновят выпуск авто на фоне все более кровавой и затяжной войны, — нет. Перспективы продажи российских активов другим собственникам также туманны.

В несколько лучшем положении оказались рабочие тольяттинского «АвтоВАЗа», до войны принадлежавшего «Рено», а в мае национализированного российским правительством.

Простои на крупнейшем российском автомобильном заводе, дающем работу более чем 30 тыс. человек, начались еще до войны (из-за глобального дефицита микросхем) и продолжались до лета — теперь уже из-за санкций и бойкота со стороны зарубежных поставщиков.

Вазовцы лишились части и без того небольших (в среднем 40–50 тыс. рублей в месяц) заработков. Чтобы хоть как-то выжить, многие из них вкалывали на общественных работах, организованных местными властями: стригли траву, красили бордюры, спиливали сухие ветки и тому подобное; другие шли в курьеры, а некоторые задумывались о том, чтобы завербоваться в армию.

Ижевский филиал «АвтоВАЗа» сократил 60% персонала — около 2 тыс. человек. Однако массовых сокращений на головном предприятии удалось избежать. За лето концерн наладил новые цепочки поставок (как именно, руководство не раскрывает), возобновил выпуск машин в Тольятти и даже объявил о наборе 4 тыс. новых сотрудников. В итоге — по крайней мере в экономическом отношении — тольяттинские вазовцы оправляются от шока первых военных месяцев.

«В нашем [прессовом] производстве работы хватает, несмотря на то что многие модели “АвтоВАЗ” сейчас не выпускает. Трудимся по трехсменному графику, как и раньше. Часть людей иногда отправляют в простой с оплатой двух третей от среднего заработка.

Хозработы (общественные работы) есть до сих пор. Оплачивают их из бюджетных средств. Зарплатой, в принципе, я доволен. Жить можно!» — говорит вазовец Алексей (имя изменено).

Схожим образом дела обстоят и на других крупных производствах, зависимых от привозных компонентов, — например, в судостроении.

«Первые три месяца после февраля [на верфях Санкт-Петербурга] шли сокращения, хотя и не массовые. Некоторые международные проекты, такие как строительство рыболовецких судов для норвежцев на “Адмиралтейских верфях”, закрылись. Выяснилось, что многие комплектующие и оборудование, вроде сварочных станков, кабель-каналов, свертки кабелей и так далее, — зарубежного производства. Их нелегко заменить», — объясняет Михаил.

По сути, речь идет о скрытой безработице, которая скоро может стать явной. Предпосылок к тому, что иностранные концерны возобновят выпуск авто на фоне все более кровавой и затяжной войны, — нет.

Проведенное впопыхах импортозамещение сказалось на зарплатах судостроителей (размер которых часто зависит от премий и объема выполненных работ), а также сделало их труд опаснее.

«Раньше был [импортный] сварочный аппарат, делавший все с абсолютной точностью, а теперь это аппарат с Урала, делающий много брака... В некоторых (не всех) профессиях люди не успевают сделать работу вовремя. Соответственно, у них меньше отработано часов и меньше заработка...

Недавно на Адмиралтейских верфях горел один из кораблей [траулер “Механик Маслак”, обошлось без жертв]. По нашим данным, это произошло потому, что клей, который там использовался, был

горючим. Им заменили клей, который не был горючим», — говорит профсоюзный органайзер.

В итоге на верфях даже начались задержки зарплат работникам подрядных организаций — яркий симптом экономического неблагополучия и наиболее распространенная причина трудовых протестов.

Однако госконтракты — в том числе военные — пока поддерживают петербургское судостроение на плаву.

«Есть несколько крупных заказов — например, [атомный] ледокол “Якутия” на Балтийском [заводе], ремонт военных судов и немного рыболовных траулеров на “Адмирале” [Адмиралтейских верфях]... Работа есть, но ажиотажа нет. Новых заказов не просматривается,

и что делать, никто не знает», — описывает настроения рабочих Михаил.

Тревогу судостроителей разделяют рабочие, обслуживающие железнодорожный транспорт. В их отрасли, как и в авиации, кризис поставок импортных запчастей привел к тяжелым последствиям, вплоть до так называемого технологического каннибализма.

«У нас есть тепловозы типа “Дончак” — у них электроника западная. С самого начала спецоперации это привело к тому, что депо, где они обслуживаются, забили тревогу: “Запчастей хватит месяца на два-три!” Некоторые из них разбирают. Из двух тепловозов делаем один», — рассказывает железнодорожник Денис (имя изменено) из моногорода Волхова в Ленобласти.

Денис и его коллеги боятся, что переориентация железнодорожных перевозок с запада на восток скажется на их и без того нищенских — от 20–25 тыс. рублей в месяц — заработках.

«Ввиду того, что от нас Запад отвернулся, деньги потекут на БАМ и Транссиб. Начнется обнищание», — делится опасениями собеседник «После».

Иначе себя чувствуют работники военных заводов, по понятным причинам наращивающих производство.

«Интересная ситуация в Омске. На “Омсктрasmаше” объявили, что набирают аж шесть тысяч человек, при том что до февраля завод был не в лучшем состоянии. Тысячу или две набирают на шинный завод. Это произвело сильный шум в городе. Заходишь в подъезд, а там все оклеено листовками “Требуются на работу”», — отмечает Михаил.

Вероятно, ажиотаж объясняется тем, что в Омске сосредоточено множество предприятий военно-промышленного комплекса.

То же самое происходит и в других регионах. Так, в Татарстане оборонка привлекает рабочих и инженеров высокими (80–120 тыс. рублей в месяц) зарплатами, всевозможными льготами и отсрочками от армии, писало издание «Реальное время».

Однако помимо пряников для работников ВПК предусмотрен и кнут — согласно правительственному постановлению, их можно принудить работать сверхурочно по четыре часа в день; а если предприятие не справляется с гособоронзаказом, не пустить в отпуск.

Рабочие и война

Большинство рабочих, с которыми общались собеседники «После», доверяет госпропаганде. По крайней мере, так было до объявления мобилизации.

«“Мы ведем справедливую войну”, “Нас атакует НАТО, что нам остается?”, “Да, жалко украинцев. Да, мы

не хотим их убивать. Мы не фашисты. Зачем они нас обвиняют в этом? Мы им (украинцам) рады. Пусть приезжают. Но надо фашистов уничтожить»», — передает профсоюзник Михаил мнения, бытовавшие среди судостроителей в начале «спецоперации».

«Когда началась СВО, люди [в нашем коллективе] поделились на два лагеря. Молодое поколение, такие как я, преимущественно против войны (разумеется, кроме тех, кто связан с местной администрацией и “Единой Россией”). Но на митинги выходить боятся, потому что страшно. Пожилые либо пассивно “за”, либо нейтральной позиции: “Я в политику не лезу”, “Меня это не касается”, “Мне все равно”.

Как ни странно, у многих роль в поддержке СВО сыграли родственники с Украины. Когда начались бомбежки мирных городов, люди сначала говорили, что они против [войны]. Но потом им звонили [украинские] родственники и начинали кричать: “Вы убийцы, насильники!”, “Вы все виновны!”, “Идите и свергайте свою власть!” Семейные отношения переключаются на политику. Люди начинают с недоверием относиться к украинцам», — рассказывает железнодорожник Денис.

По словам Алексея с «АвтоВАЗа», уже в начале войны многие его коллеги стали получать известия о гибели или ранении знакомых, воюющих в Украине (поскольку многие из них родом из тех же депрессивных городков и деревень, что и большая часть контрактников).

«В основном только о “невойне” и говорим. Большинство воспроизводит официальную пропаганду, приправляя ее историями о родных и близких, участвующих в конфликте. Рассказывают и о погибших. Эти потери лишь усилили ненависть к украинцам», — считает вазовец.

Сам Алексей с первых дней вторжения агитировал коллег против войны, но разочаровался в своих попытках.

«Я стараюсь молчать. Ни с кем не спорю. Иногда и вовсе ухожу из зоны отдыха, когда товарищи чересчур оживленно начинают обсуждать последние новости с передовой... Понимания не ищу. Выгорел как-то. Угнетает невозможность все это изменить», — говорит он.

Поддержка войны рабочими (как и населением в целом) до сих пор была преимущественно пассивной. Попытки властей вербовать добровольцев в трудовых коллективах приносили скромный улов.

«До мобилизации по цехам [волховских предприятий] ходили и агитировали идти добровольцами на СВО. Мотивировали тем, что, если вы пойдете как доброволец, за вами закрепляется ваше рабочее место. Некоторые на это повелись, но таких было крайне мало. По большей части добровольцами идут фанатичные люди, которые во все это (официальную пропаганду) реально верят. Остальные отвечают: “Это нам нахер не надо” или “Если только призовут, тогда пойдём”», — говорит Денис.

Как рабочие реагируют на мобилизацию

С тех пор как Путин объявил «частичную» мобилизацию, ни к чему не обязывающая поддержка господствующей риторики или позиция «Моя хата с краю» едва ли возможны среди рабочих, большинство из которых — мужчины средним возрастом около сорока лет.

В отличие от многих представителей среднего класса, покинувших страну при первых звуках боевой трубы, у пролетариев таких возможностей меньше, а шансов попасть на фронт — существенно больше. От их реакции на происходящее во многом зависит успех всей кампании.

О масштабах недовольства мобилизацией и войной говорить рано, но оно, несомненно, растет.

«Когда началась мобилизация, риторика [в коллективе] капитально сменилась: “Нахуй нам это не надо. Мы не хотим!”... Мой друг сначала был за [войну]: “Хохлов будем бить!”, а как ударила мобилизация, побежал в администрацию с вопросом: “Не заберут ли нас?”», — рассказывает Денис.

Публикующий интервью с рабочими телеграм-канал «Сизиф of труд» приводит немало красноречивых зарисовок об отношении к мобилизации на предприятиях:

«У рабочих на заводе воевать настроения нет. Узнают постепенно

новости с фронта об отсутствии всего необходимого, о том, что закупаться нужно за свой счет. О том, что везут на фронт без подготовки. Уехавших [из страны] тоже нет. Говорят: “А куда мы поедem? Такие, как мы, нахуй никому не нужны”» (инженер оборонного завода);

«Наш шлифовщик говорит: “Отношение в военкомате скотское, называют «одноразовыми», берут всех без разбора. Как будто на убой готовят”. Он им брякнул, что с оружием вернется и поговорит с ними по-другому... Люди на взводе, как пружины. Перед лицом смерти страх перед репрессиями исчезает» (оператор станков с ЧПУ одного из петербургских заводов);

Однако многие принимают свою участь с фатализмом и, похоже, не до конца осознают степень опасности.

«Практически все, с кем мы общались, говорят так: “Если не останется другого варианта, тогда я пойду”. Когда рассказываешь, что есть другие варианты [уехать или скрываться], немногие на это готовы...

Люди не воспринимают войну как смерть и риск (они из-за пропаганды в это не верят). Большая часть из них служила. У многих остались приятные воспоминания от армии. Некоторые хотят уйти от жен. Удивительно, но большая часть боится не погибнуть, а потерять квалификацию, место работы и деньги», — описывает настроения судостроителей Михаил.

Борьба за бронь

Конкуренция за отсрочку от мобилизации развернулась не только между предприятиями и отраслями, но буквально в каждом цеху. Сопутствующие ей кумовство и коррупция разжигают страсти не меньше, чем произвол военкоматов и бюрократическая неразбериха.

«Лишь малая часть [рабочих на “Балтийском заводе”] говорит: “Да, я готов и пойду воевать”. Все хватаются за бронь и опасаются, что она достанется не всем... При этом люди видят, что бронь получают не те, кто ее заслуживает, а братья, сыновья, кумовья [начальников]. У людей возникает мысль: “Почему я должен идти защищать тех, кто отсиживается здесь, в тылу, потому что он брат начальника цеха?”», — отмечает профсоюзный органайзер.

Но даже бронь не является надежной защитой от хаоса мобилизации.

«Нам объяснили, что железнодорожников не будут трогать. Нас призовут на фронт, только если будет специальный указ или если боевые действия подойдут к региону, где мы работаем. Но все равно некоторых машинистов призвали. Не знаю, вернули ли их домой или отправили на СВО», — говорит Денис.

«После начала мобилизации было много заявлений на заводах о том, что бронь получают все. Несмотря на это, людей забирают (нам известно о таких случаях на “Омсктрансмаше” и Балтийском заводе). Человеку

присылают повестку домой. Он идет на завод и говорит: “Пришла повестка”. Ему говорят: “Ничего не бойся. Иди в военкомат, разговаривай”. Он приходит, и его тут же забирают. Около тридцати человек забрали с Балтийского завода и не вернули», — рассказывает Михаил.

Кому полагается отсрочка, а кому нет — кажется, не знает никто. «На кого “бронь” пришла — неизвестно, держат в тайне. Сказали только, что не на все должности и специальности», — жалуется рабочий военного завода в телеграм-канале «Сизиф of труд».

В таких условиях бронь становится мощным инструментом поощрения лояльных и наказания неугодных, а также орудием закабаления рабочих в целом.

Согласно правительственному постановлению, списки сотрудников, пользующихся бронью, составляют директора компаний с учетом «степени их участия в выполнении гособоронзаказа» (которую боссы определяют сами). Таким образом, любое несогласие с условиями труда, не говоря уже о намерении создать профсоюз, может быть чревато не просто увольнением, а отправкой в действующую армию.

«Бюрократы теперь короли положения. Кто им не нравится — смертный приговор. Пир людоедов. Теперь уже право подписи, чтобы оставить тебя на заводе, имеет небывалую цену... Мы теперь крепостные», — комментирует ситуацию сотрудник оборонного предприятия.

Азамат Исмаилов

«Ущерб от оптимизации никакая мобилизация не перекрыла». Как живет здравоохранение в дни войны

В глазах многих медиков война стала очередным этапом разрушительной «политики оптимизации».

Мобилизация и новая волна жесткой экономии может спровоцировать массовое бегство специалистов из профессии или из России.

Обескровленная система

К началу двадцатых российская медицина подошла с острым дефицитом кадров, клиник и оборудования, обусловленным неолиберальной реформой, известной как политика оптимизации.

На протяжении десятка лет власти последовательно закрывали «неэффективные» (то есть слишком затратные) медучреждения, в основном относящиеся к первичному звену здравоохранения: поликлиники, амбулатории, фельдшерско-акушерские пункты и т. д. Особенно пострадала глубинка, протесты жителей которой, в отличие от столиц, не были массовыми и почти не освещались федеральными СМИ.

Как следствие, за 2010-е годы в РФ исчезло около тысячи больниц, а их общее число сравнялось с показателем 1932 года. В 2017 году в стране было вдвое меньше больничных коек, чем в 1990 году.

Взамен власти обещали увеличить финансирование крупных модернизированных клиник и покончить с плачевным материальным положением медиков.

В 2012 году знаменитые майские указы Владимира Путина гарантировали врачам повышение зарплат до 200% от средней по региону, а медсестрам, фельдшерам и др. — до 100%.

Однако социальный популизм обернулся обычным бюрократическим очковитирательством. Так как денег на выполнение указов медучреждения не получили, погоня за «бумажным» ростом зарплат обернулась ползучими сокращениями и сверхэксплуатацией медработников.

Чтобы получать «путинскую» зарплату, большинство из них были вынуждены работать на полторы-две ставки, что привело к изнурительным переработкам.

Еще хуже обстояли дела у медиков среднего и младшего звена: медсестер, фельдшеров, санитаров. Местами их просто «ликвидировали как класс».

«Мы наблюдали “геноцид” среднего и младшего медперсонала в связи с майскими указами [прим. Численность первого с 2013 по 2019 год упала на 128 тысяч человек, с 1,44 до 1,31 миллионов, а второго — на 421 тысяч, с 687 до 266 тысяч]. Есть больницы, где младшего медперсонала нет совсем, а санитарки числятся уборщицами», — говорит Дмитрий (имя изменено), профсоюзный активист в системе здравоохранения.

Численность врачей тоже снижалась, хотя и не столь высокими темпами. В 2013 году в стране насчитывалось 579 тысяч докторов (41 на 10 тысяч населения), а в 2019 году — только 565 тысяч (38,5). Притом что еще на заре оптимизации эксперты били тревогу по поводу нехватки специалистов, в некоторых регионах доходившей до 50%. Спустя десять лет после майских

указов здравоохранение болеет теми же болезнями, что и до них, зачатую — в еще более тяжелой форме.

В 2021 году 90% медиков, опрошенных сообществом «Врачи.рф», жаловались на нехватку кадров, и почти половина связывала ее с низкими заработками.

Вопреки официальной статистике, рапортующей о сотысячной средней зарплате врачей (что является типичной «средней температурой по больнице»), реальные доходы медиков, как правило, в разы ниже.

Почти 40% докторов зарабатывают до 40 тысяч рублей в месяц (ничтожная сумма, эквивалентная зарплате кассира). Средний размер зарплаты в расчете на одну ставку составляет 30 тысяч рублей, а величина оклада (постоянной части, за вычетом надбавок, премий и тому подобного) — 20 тысяч. Так подсчитал Всероссийский союз пациентов, опросивший полторы тысячи хирургов и терапевтов в 58 регионах.

Неудивительно, что на рубеже десятилетий медики стали одной из самых протестующих групп трудящихся. В 2019 и особенно 2020 годах здравоохранение далеко опередило другие отрасли экономики по количеству трудовых конфликтов.

Поскольку бастовать медикам запрещено, они нередко прибегали к «итальянским забастовкам» (когда педантичное соблюдение инструкций тормозит работу), а также вступали в независимые от официозного профцентра ФНПР профсоюзы: «Действие» и «Альянс врачей».

Путин обещает равенство

Столкнувшись с растущим недовольством, власти устами Владимира Путина признали «перегибы», допущенные в ходе оптимизации и реализации майских указов. Незадолго до пандемии медикам пообещали реставрировать первичное звено здравоохранения в провинции и разработать «справедливые и понятные» правила оплаты труда.

Отраслевая система оплаты труда (ОСОТ), проект которой Путин поручил разработать Кабмину, предусматривала единый для всех медиков перечень надбавок, премий и компенсаций (часто составляющих львиную долю их дохода) и твердую пропорцию этих выплат к окладу.

Опробовать реформу в нескольких пилотных регионах планировали летом 2021 года, а к концу нынешнего года она должна была охватить всю страну.

Профсоюзы рассматривали инициативу как свою победу, поскольку реформаторы, казалось, шли навстречу их требованиям, обещая сократить зарплатное неравенство между медиками одинаковой квалификации, работающими в разных больницах и регионах, и таким образом насытить проблемные медучреждения кадрами.

Однако ковид, а затем война поставили крест на этих ожиданиях.

Коронакризис как момент истины

Пандемия наглядно продемонстрировала пагубность многолетней политики экономии на здравоохранении.

«Кризис подкашивает то, что подкосилось, и усиливает то, что усиливалось. Так и коронакризис выявил огромные проблемы внутри медицины, которые не решались и не решаются до сих пор: дефицит кадров, их низкая организованность и квалифицированность, абсолютная некомпетентность руководства», — убежден Николай (имя изменено), врач-анестезиолог одной из петербургских больниц.

По словам врача, к началу пандемии редкая больница имела нормальное зонирование (разделение на «чистые» и потенциально зараженные зоны). Медикам остро не хватало спецкостюмов и прочих средств защиты. Итог — высокая смертность среди врачей и медсестер, согласно неофициальному мартирологу превысившая полторы тысячи человек.

Усиленный оптимизацией кадровый голод имел зловещие последствия и для пациентов. По некоторым свидетельствам, на пиках заболеваемости врачи были вынуждены прибегать к так называемой медицинской сортировке, то есть решали, кому из больных оказать помощь (с наибольшими шансами на успех), а кого обречь на смерть.

К тому же мобилизация ограниченных ресурсов здравоохранения на борьбу с ковидом в ущерб остальным направлениям подстегнула смертность от других болезней, таких как сахарный диабет.

Правительство сдерживало отток кадров из медицины с помощью специальных социальных выплат медикам, работающим с ковидными пациентами.

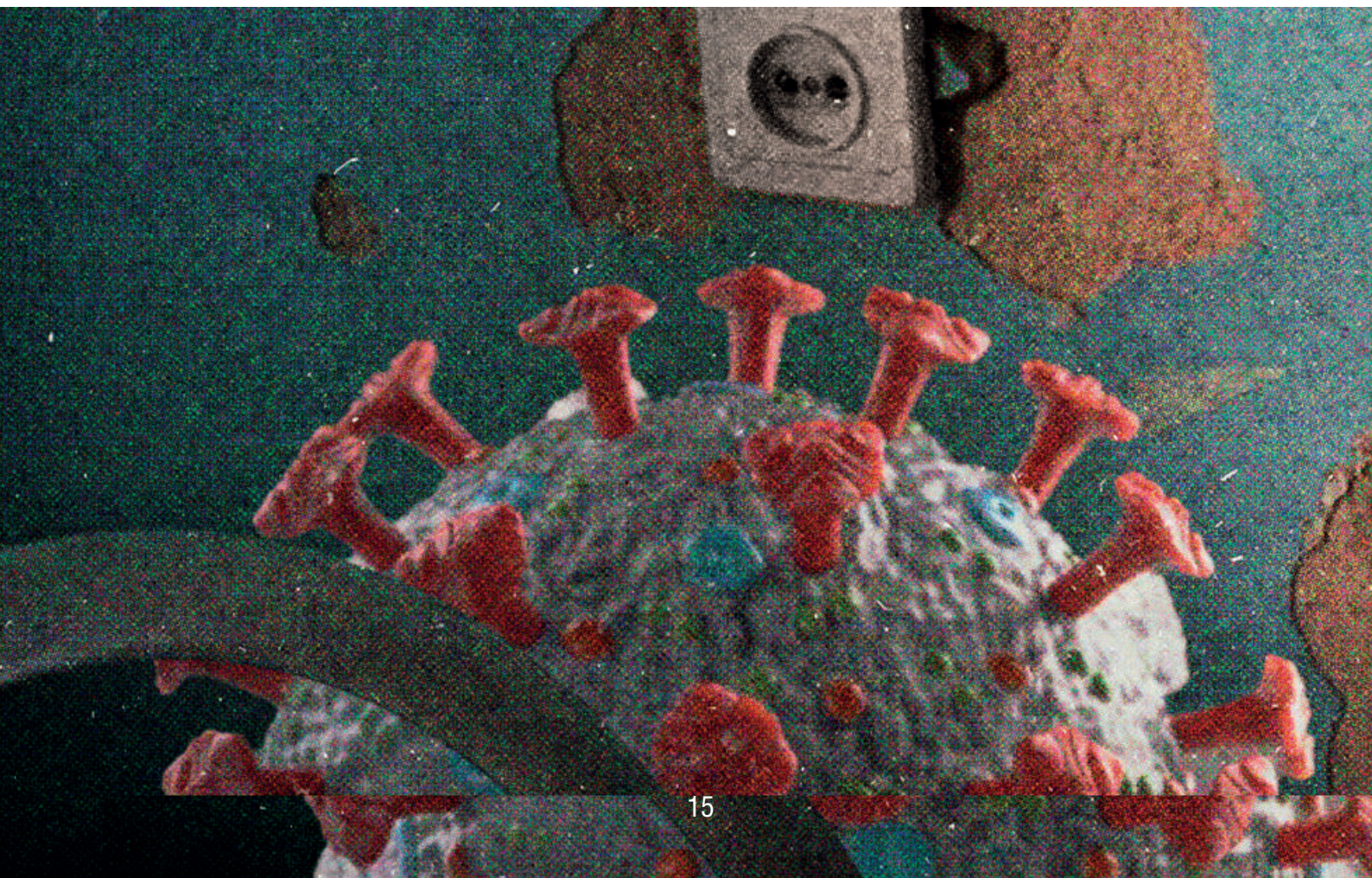
В 2020 году доктора получили право на ежемесячное пособие в размере 80 тысяч рублей, а медсестры, санитары и сотрудники скорой — 25–50 тысяч (позднее выплаты стали начислять исходя из количества отработанных смен). В случае заражения или смерти медика ему или его близким выплачивали страховку — от 69 тысяч до трех миллионов рублей.

Относительная «щедрость» государства в условиях пандемии принесла плоды. Хотя распределение «ковидных» выплат сопровождалось многочисленными злоупотреблениями, численность врачей перестала снижаться.

«Хотя бы не надо было больше работать на две ставки, чтобы не положить зубы на полку», — объясняет профсоюзник Дмитрий.

Продолжение оптимизации другими средствами

Вторжение в Украину, совпавшее со спадом смертности от коронавируса, лишило медиков как «ковидных» выплат, так и надежды на то, что ситуация в здравоохранении будет меняться в лучшую сторону.

Первые признаки новой волны экономики стали заметны еще прошлой осенью. «Мы начали получать сигналы о том, что в регионах ужесточаются условия назначения ковидных выплат. Во многих из них стали платить только за подтвержденный диагноз (COVID-19), а не за смену... [Врачам] грозили, что придет проверка из ФСС (Фонд социального страхования) и придется возвращать деньги из средств больниц. В итоге в первой половине 2022 года отток кадров из здравоохранения возобновился», — рассказывает Дмитрий.

В июне правительство досрочно отменило все меры поддержки медработников, связанные с ковидом. Их заменили 25-процентной надбавкой к окладу за вредные условия труда.

Поскольку оклады в здравоохранении часто не дотягивают даже до МРОТ, такая «замена» означает попросту упразднение гарантий — при том что ситуация с ковидом, согласно официальным заявлениям, «остается напряженной».

Некоторые группы медиков не получили вообще ничего.

«По непонятной причине компенсаций не дали бригадам скорой помощи, находящимся на передовой борьбы с ковидом. Такое чувство, что [власти] специально злят людей, [провоцируя трудовые протесты]. Ведь сотрудники “скорой” — самая организованная часть медработников, составляющая 80% профсоюза», — говорит Дмитрий.

Отмена «ковидных» ударила по доходам подавляющего большинства врачей: 70% докторов, опрошенных изданием «Медицинский вестник», ждали падения своих заработков на 20–30%, и еще 8% — на 50–60%.

Тогда же в небытие отправился и проект ОСОТ, а с ним и последние надежды на пересмотр результатов оптимизации.

«Действие постановления [о реализации пилотного проекта] приостановлено до 1 января 2025 года. Фактически это отмена [реформы]. Поручение президента есть, но выполнять его не собираются, очевидно, надеясь, что “или султан помрет, или ишак”», — делится разочарованием профсоюзный активист.

То, что война обнулила результаты долгой борьбы медиков за свои права, подчеркивают репрессии против медицинских профсоюзов, практически лишившие их возможности проводить коллективные действия.

В прошлом году власти признали «Альянс врачей» иностранным агентом. Его главу, Анастасию Васильеву, отправили под домашний арест в связи с протестами в защиту Навального. Некоторые активисты «Альянса» эмигрировали.

Одного из региональных координаторов «Действия» посадили на 6,5 лет по обвинению в мошенничестве. Не вполне ясно, связан ли приговор с его правозащитной или предыдущей коммерческой деятельностью,

однако подобные уголовные дела часто являются прикрытием для политических преследований.

Власти урезают не только зарплаты медперсоналу, но и финансирование системы в целом. Проект федерального бюджета на 2023–2025 года предусматривает сокращение статьи «здравоохранение» с 372 миллиардов рублей в нынешнем году до 310 миллиардов в будущем.

По словам анестезиолога Николая, под угрозой оказались дорогостоящие виды лечения, в том числе так называемые квотные операции — сложные, высокотехнологичные процедуры вроде трансплантации органов или протезирования суставов.

«Начали срезать квоты, удешевлять тарифы — например, на замену аортального клапана, протезирование шейки бедра, артроскопию... Это связано с тем, что все деньги идут на фронт, а война — дорогое удовольствие», — полагает доктор.

СМИ сообщают и о других подобных случаях, в частности попытке сократить финансирование химиотерапии в клинике имени Пирогова в Санкт-Петербурге.

Николай «с ужасом» ждет нового года, когда Минздрав распределяет квоты по клиникам. От них, среди прочего, зависят и зарплаты специалистов.

«В последнее время финансирование все уменьшалось и уменьшалось. Большинство [операций] и так были на грани себестоимости, а теперь, судя по всему, выйдут за ее границы.

Как существовать в этих условиях, мы не знаем», — опасается врач.

Растущий спрос на врачей в мире вкупе с объявленной Путиным «частичной» мобилизацией подсказывает докторам выход.

Медики и мобилизация

Первое время война почти не затрагивала основную массу медработников. Гражданские клиники не принимали раненых, а перебои с поставками импортных лекарств или медтехники были не серьезнее, чем обычно.

После 24 февраля медики, как и все российское общество, разделились на большинство, пассивно одобряющее «спецоперацию», и меньшинства — «турбо-патриотов» и противников войны.

«За войну люди, конечно, высказываются, особенно когда им самим ничего не грозит. Есть определенное количество выступающих против [войны], но они, как правило, молчат, понимая, куда ветер дует. Основной работодатель здесь — государство. За десятилетия работы в системе люди поняли, что они рабы в его лапах», — считает анестезиолог.

Впрочем, по словам доктора, начиная с лета ура-патриотических высказываний в его окружении стало меньше.

«Народ понимает, что что-то пошло не так... Никому лично эта война нахрен не сдалась. У меня нет ни одного знакомого врача или медсестры, которые бы отправились на фронт добровольно», — передает настроения коллег Николай.

Шапкозакидательству не способствуют и слухи, доходящие из военных госпиталей. Если верить им, то во время войны повторяется та же история, что и в период коронакризиса, когда ослабленная оптимизационная система оказалась неготовой к катастрофе.

«Война как травматологическая эпидемия требует дорогой и специализированной помощи. Допустим, травма ноги. Квалифицированная бригада [хирургов] может побороться за ногу, а неквалифицированный хирург в запаре, не имея необходимого оборудования, просто ее ампутирует и сделает человека инвалидом. Но высококвалифицированных специалистов — ограниченное количество. А кроме того, операцию надо делать быстро, имея соответствующее оборудование и лекарства. Всего этого не хватает на всех этапах... Пациентов доставляют поздно, с плохо оказанной [первой] медицинской помощью», — считает собеседник «После».

Мобилизация менее страшна для медиков, чем, например, для рабочих, которые рискуют прямо из цеха отправиться в окопы. Несмотря на эксцессы, вроде упомянутых Путиным случаев, когда мобилизованных врачей зачисляли в войска мотострелками, обычно они попадают в тыловые госпитали.

С другой стороны, говорит Николай, у некоторых свежи в памяти воспоминания о первой чеченской войне, когда врачей посылали на передовую. В условиях хаоса, сопровождающего мобилизацию, никто не может поручиться, что так не произойдет и на этот раз.

«Никому лично эта война не сдалась. У меня нет ни одного знакомого врача или медсестры, которые бы отправились на фронт добровольно».

Угроза нависла не только над мужчинами, но и над женщинами, составляющими 70% медиков.

«Женщинам из востребованных специальностей присылают повестки, но пока их просто регистрируют в резерв», — рассказывает Николай.

«Есть нервозность у женщин, имеющих военно-учетную специальность, особенно тех, у кого дети. Никаких нормативных документов [о порядке их мобилизации] не опубликовано. Ничего, кроме устных заявлений, что женщин мобилизуют в третью очередь», — отмечает профсоюзник Дмитрий, добавляя, что пока ему неизвестно о случаях призыва женщин-медиков.

По словам профлидера, отправка медработников на войну пока не стала массовым явлением. «Тот ущерб, который наносит [здравоохранению] оптимизация и недофинансирование, пока никакая мобилизация не перекрыла», — полагает он.

Тем не менее тучи сгущаются. Кое-где медработникам запрещают уходить в отпуск и выезжать за рубеж. Например, в Санкт-Петербурге Депздрав предписал главврачам удерживать подчиненных от поездок за

границу. В Твери медикам отменили отпуска и объявили их невыездыными в пределах региона. На фоне «частичного» военного положения, объявленного в РФ 20 октября, это может быть первым признаком милитаризации системы здравоохранения.

Подобная перспектива импонирует немногим. Поэтому врачи, как и другие работники, судорожно цепляются за бронь и находят другие способы откосить от армии.

«Врачей тяжело мобилизовать, потому что мы в этой системе тоже кое-что можем. Например, нарисовать себе непризывной диагноз. От мобилизации сейчас спасает только категория “Д”, [предполагающая наличие тяжелых заболеваний вроде туберкулеза, ВИЧ или шизофрении]. Люди выписывают себе эту категорию, пользуясь коррупцией, кумовством и знакомствами», — констатирует Николай.

Другие пакут чемоданы и уезжают за границу.

«Многие из моих знакомых задумались об отъезде и делают шаги к эмиграции. Но дело это непростое, потому что отъезд медика, как и любого высококвалифицированного кадра, завязан на признание документов. Есть страны, признающие наши документы, — туда можно уехать на “раз-два”. Другие [коллеги] находятся в процессе подтверждения документов и уедут вот-вот. Кто-то психанул и уехал в чистое поле — переждать какое-то время», — говорит врач.

Те, у кого таких возможностей нет, надеются на бронь. Однако в здравоохранении, как и в других секторах экономики, распределе-

ние отсрочек непрозрачно и зависит от произвола администрации.

Руководители некоторых больниц бьются за каждого сотрудника, понимая, что потеря даже одного специалиста может быть фатальной. «Если в городской больнице десять участковых терапевтов, и одного из них забирают на СВО, то в условиях дефицита кадров это скажется на населении», — поясняет Дмитрий.

Другие пускают все на самотек, а третьи используют бронь для поощрения прихлебателей и расправы с неугодными.

«Начальники обладают огромной властью благодаря мобилизации. Моим знакомым сказали, что у них будет бронь, но им совершенно непонятно, так ли это на самом деле. Все зависит от руководства, у которого и раньше сотрудники были как рабы.

Теперь же это вообще удавка, ведь увольнение будет означать отправку на фронт. Поэтому и зарплату можно установить копеечную. Никто и не тявкнет», — уверен Николай.

По мнению собеседника «После», российские врачи приспособятся к войне, как адаптировались к другим кризисным ситуациям. Но неизбежное ухудшение условий труда и уменьшение финансирования заставит многих из них раньше или позже уйти из профессии или эмигрировать. «Никто не хочет тратить время и деньги на всю эту фигню», — резюмирует доктор.

Константин Харитонов

«Все время тяжело было»

Как война и мобилизация повлияли на труд работников торговли

Общее положение дел

Торговля занимает крайне важное место в структуре российской экономики, на нее приходится порядка 15% ВВП и 10% налоговых поступлений в бюджет, а рабочими местами сфера торговли обеспечивает около 13 млн. человек. От крупных моллов, до небольших магазинчиков, как специализированных, так и банальных продуктовых, работники торговли присутствуют во всех уголках России. Именно сфера продаж составляет до 25% от вакансий во всех регионах России. Впрочем, особенно престижной эту работу назвать трудно, если речь идет не о руководящих должностях. По словам управляющего директора «Avito работа» Артема Кумпеля медианная зарплата продавцов

в России составляет всего 30 тысяч рублей. И если в Москве продавец может получать 45 000 рублей и даже несколько больше, то в некоторых регионах скромные 15 000 являются вполне реальным доходом.

После 24 февраля, когда разразилась полномасштабная Российско-Украинская война, западные страны стремительно начали вводить санкции, стремясь ограничить в том числе возможности ведения торговли в стране-агрессоре. Крупные бренды и компании объявляли об уходе из России и закрытии магазинов, а проблемы с логистикой должны были значительно сократить объемы не только внешних, но и внутренних торговых операций.

Из России ушли, ограничили работу или как минимум заявили об уходе целый ряд западных компаний, в том числе задействованных в торговой сфере. Среди них, например, H&M (больше 150 магазинов в России), IKEA, Inditex (Zara, Bershka, Massimo Dutti и др.), Adidas, Decathlon, Puma, Rolex, Swarovski, и многие другие; прекратили продажи производители автомобилей. Из-за ухода с российского рынка производителей электроники закрылась часть фирменных магазинов (частично продажи восстановились за счет т.н. «параллельного импорта»).

Многочисленные эксперты с самого начала войны прогнозируют рост безработицы, в том числе и в торговле. Все это, вместе с другими мерами, должно было как лишить российский режим денег для ведения войны, так и наглядно продемонстрировать населению страны пагубные последствия подобных военных авантур.

Именно на структурные проблемы жалуется в интервью Интерфакс Игорь Каратаев, председатель Ассоциации компаний розничной торговли России: «Сложности, с которыми столкнулась в этом году сфера торговли, беспрецедентны: разрушение логистических цепочек, необходимость быстрого поиска новых поставщиков, инфляционное давление, снижение платежеспособного спроса — отрасль впервые ощущает действие всех этих факторов одновременно».

Падение не было стремительным, но уже к августу оборот розничной торговли в России сократился на 8,8% в годовом исчислении. Снижение показателей началось с апреля и каждый месяц оно ускоряется, порой опережая и чрезмерно оптимистичные прогнозы правительства. Доминирующую роль здесь играют непродовольственные товары, что не удивительное, это первое на чем можно сэкономить, в отличие от еды.

Отделались малой кровью

При безрадужных событиях и тревожной статистике, подавляющее большинство работников торговли, пока что, не говорят прямо о каких-то значительных изменениях в своем положении и условиях труда с начала войны, отмечая, в основном, сокращение доходов собственников предприятий.

«Нет, никак не повлияла война на торговлю, торговля она какой была, такая она и есть», говорит работающая на рынке одной из республик Северного Кавказа Илона (все имена в тексте изменены). «Выручка упала, народу мало. Не только мужчины пропали, но и женщины стали экономить деньги. Работодатель несет потери, такого дохода как раньше у него больше нет, а на мне не сказало» — рассказывает Роза, продавщица продуктового магазина в Москве. «Уехал из России один из основателей магазина, в остальном же изменений по сути нет. Даже покупателей будто бы не убавилось» сообщил сотрудник московского книжного магазина Владислав.

Работающая в интернет-магазине инновационных товаров Евгения подтверждает отсутствие существенных изменений: «Первые недели думала, что не будет работы, что все контракты закроются, потом успокоилась. Но я хочу, чтобы все быстрее закончилось, мне жалко людей как с той, так и с другой стороны».

Это касается как изменений в оплате труда, условий работы, так и сокращений в коллективе. Там же где сокращения были, все их называют незначительными, а в некоторых местах число сотрудников даже увеличилось: «Нет, никаких изменений. Плановый набор сотрудников был, но именно плановый. На сотрудников именно события никак не повлияли» — рассказывает Алексей, технический специалист компании, занимающейся оптовой и розничной торговлей звукового оборудования в Ставропольском крае. Эксперты также подтверждают скорее прекращение набора новых сотрудников работодателями, чем сокращения в организациях: «Первая реакция, стандартная для периодов неопределенности — работодатели поставили наем кадров на паузу. Особенно это было заметно с марта по май: сокращение спроса в стране по сравнению прошлым годом достигло -8%». Впрочем, эксперты Центра макроэкономического анализа и краткосрочной конъюнктуры предупреждают, что к 2030 году в розничной и оптовой торговле рабочих мест могут лишиться порядка 3 млн. человек, связывая это с «формированием новой реальности» и указывая что текущий низкий уровень безработицы —

«Сложности, с которыми столкнулась в этом году сфера торговли, беспрецедентны: разрушение логистических цепочек, необходимость быстрого поиска новых поставщиков, инфляционное давление, снижение платежеспособного спроса — отрасль впервые ощущает действие всех этих факторов одновременно».

временное и краткосрочное явление. В целом же, сокращения начались еще в мае, когда российское подразделение Aliexpress уволило порядка 40% сотрудников, а OZON 20%.

Что немаловажно, подавляющее большинство ссылается на то, что все эти изменения произошли еще во время пандемии COVID19 и дальше сокращать и урезать было уже просто некуда: «Зарплата стала меньше раньше, связано с кризисом из-за ковида, война не повлияла вообще, повлиял ковид», говорит сотрудник московской оптовой компании Андрей. Он же добавляет, что при этом работать стало значительно сложнее из-за проблем с логистикой: «Сырье в Россию перестали ввозить крупные немецкие компании. Некоторые компании ушли

из России, уволив сотрудников. Поэтому работать стало сложнее, приходится искать альтернативы». О подобных сложностях, «колоссальных изменениях» в работе рассказал и Василий, работающий в сфере продаж шин и покрышек на маркетплейсах. Из-за проблем с логистикой порой по несколько недель невозможно было банально принять товар. Директор розничной сети по продаже сумок и чемоданов Лариса Сергеевна подтверждает как отсутствие сокращений, так и то, что после всех предыдущих испытаний в экономике, потенциала для сокращений и не осталось: «Сложные времена были и раньше, и ковид, да и раньше, у нас в России все время тяжело было. Штат еще раньше минимизировали до возможного, но не сокращали, просто если кто-то уходил, то уже не нанимали новых сотрудников».

Анастасия из книжного магазина в Санкт-Петербурге подтверждает отсутствие сокращений персонала, зарплат и премий, вместо этого руководство сократило расходы магазина и несколько повысило цены. Именно повышение цен и переоценка товара сказалась тогда на повседневном труде сотрудников: «К сожалению, поднялись они [цены] значительно, переоценка происходила ежедневно на несколько сотен позиций, а в каждой позиции десятки товаров, которые нужно было искать по всему магазину, это сильно поменяло стандартный порядок работы сотрудников — многозадачность увеличилась. В какой-то момент переоценки стало настолько

много, что было принято провести одну ночь в магазине, чтобы сделать хотя бы какую-то ее часть...»

Даже уход западных компаний не стал моментальной катастрофой для работников. По словам сотрудника фирменного магазина Samsung Петра: «Закрыли часть магазинов и на 1 месяц всех посадили на оклад. Потом премиальная часть вернулась и мотивация оптимизировалась, но доход упал все равно. Ведь покупательная способность упала. Некоторые магазины открыли обратно. Можно считать, что отделались малой кровью».

Несколько по другому обстоит дело в крупных сетевых магазинах, и без того широко известных плохими условиями труда и, соответственно, высокой текучкой кадров. «Для кассиров и грузчиков и всех остальных зарплату понизили. Значительно, тысяч на десять, это процентов на 10 примерно. Еще 3–4-х сотрудников убрали, из 100 человек, но это незначительно» — рассказала кассирша сети SPAR в Москве Алевтина Игоревна.

О снижении уровня премий и заметном повышении плана сообщили также врач-менеджер ветеринарной аптеки в Краснодарском крае Виктория и продавец и модном московском бутике одежды Дарья, у которой премия к тому же стала «серой», а при невыполнении плана появились штрафы. К слову, Дарья призналась, что даже решилась обмануть одного из покупателей на несколько тысяч, стремясь хоть

как-то вытянуть план при сократившихся продажах.

В целом, можно сказать, что сфера торговли смогла справиться с первыми вызовами войны, санкций и ухода западных компаний. Несмотря на некоторое сокращение спроса и покупательной способности населения, товары россияне покупать не перестали, особенно продукты питания. К тому же, российская торговля не впервые сталкивается с санкциями и ограничениями, значительный удар был нанесен в ковидные годы, так что работники уже привыкли жить затянув пояса и не ожидать ничего хорошего в своей сфере. Многим из тех, кто потерял работу, удалось ее довольно быстро найти, тем более что массовая эмиграция из России до поры до времени поддерживает низкую безработицу. Однако, нельзя не отметить пусть и не критичное, но заметное ухудшение условий работы, а также усложнение рабочих процессов.

Никто не хочет жить под бомбежками

Нет единства мнений среди работников и в личном отношении к войне, что в целом характерно сейчас и для всего российского общества. В то время, как многие в той или иной степени относятся к проведению «специальной военной операции» с неодобрением, переживая за близких и предпочитая жить в мирной развивающейся стране, есть и те, кто рассматривает

войну как логичное развитие предшествовавших внешнеполитических процессов или даже активно поддерживает. Распространена и дистанцированная позиция, в том духе, что «всей правды никто не знает, но убивать людей конечно плохо» или «раз уж ввязались в это дело, то нужно побеждать». Алексей из Ставрополя следующим образом сформулировал позицию свою и коллег: «В целом реакция была нейтральная. Мы к этому все давно шли и вот пришли». О нейтрально-положительном отношении к войне среди коллег рассказал и Андрей из московской оптовой фирмы: «Коллеги женщины в основном, они нейтрально относятся, это женщины в основном за 40. Они в основном полагают, что родное государство нужно поддерживать во всем. Считают что мы зависим от государства, что государство сказала, то мы и должны делать».

Более радикальную позицию занимает заведующая аптекой в Московской области Ангелина Петровна: «Лично я вояка, я понимаю что мы должны бороться с нацизмом, это понятно. У меня работают сотрудники, которые жили в Донбассе. Они, естественно, положительно отнеслись [к началу “СВО”]». Аргументирует положительное отношение она тем, что бывшие жители Донбасса были свидетелями обстрелов со стороны Украины, а «никто не хочет жить под бомбежками».

Тем не менее, такая радикальная позиция выглядит скорее экзотической. «Отреагировала ужасно,

потому что половина моих братьев там была. Два брата обратно поехали, но все равно переживаю за оставшихся» говорит Алевтина Игоревна. Братья ее живут на Северном Кавказе и именно из этого региона с начала войны участвовало довольно много военных, далеко не всегда воспринявших эти события с восторгом. Просто служба по контракту в этом регионе для многих является одним из немногих вариантов получать более-менее достойную по местным меркам зарплату.

Сильную тревогу за близких по поводу войны испытывает и продавщица продуктового магазина в Москве Роза: «Для меня был шок, хотелось бы, чтобы был мир над головой. И страшно за детей наших. И коллеги меня в этом поддерживают».

Того же мнения придерживается и директор торговой сети Лариса Сергеевна: «Ну конечно я в шоке, я историк по образованию, профессиональный историк, и это очень сильно напоминает катастрофические события прошлого. И еще я человек православный. “Нельзя убивать людей”, это для меня главный православный принцип. Я в шоке, владелец бизнеса тоже в шоке. В моем понимании у страны отняли будущее, у двух стран отняли и будущее и настоящее. Мне самой то уже ничего не надо, а вот детей жалко». Правда, она признается, что хотя и находит поддержку у части коллег, не все сотрудники сети с ней согласны в отношении к войне, часто происходят споры, порой она даже

продавливает свою позицию, поскольку находится на высокой руководящей должности. «Я веду споры эмоционально, и вчера мне положили на стол стихотворение “С чего начинается Родина”. Я очень люблю Родину, но как же они все подменили. Я больше их всех ее люблю, просто я хочу чтобы люди на нашей родине улыбались, а не плакали над гробами, обвиняя соседнее государство».

Напряжение

Если начало войны, следуя прямым высказываниям, не оказало значительного влияния на положение работников торговли, за исключением в основном отдельных, и без того проблемных сегментов, то объявленная 21 сентября «частичная мобилизация» должна была вызвать более заметные изменения. Эксперты New Retail в конце сентября прогнозировали значительные изменения на рынке труда, в том числе очередной удар по логистике в связи с массовым призывом водителей, мобилизацию большого числа курьеров (потому что они «молодые и сильные») и сотрудников охраны. Интересный сдвиг эксперты прогнозируют в плане набора новых сотрудников — приоритетом будут пользоваться женщины и люди старше 50 лет, которым ранее было достаточно затруднительно найти работу. Буквально сразу после объявления мобилизации резко возрос спрос на временных сотрудников, в том числе продавцов, водителей и менеджеров по продажам. В целом, по данным

рекрутинового портала hh.ru в октябре он составил 52%.

Впрочем, опрошенные работники торговли, опять же, пока что не заметили значительных изменений в связи с мобилизацией в своих организациях. У большинства кто-то из знакомых получил повестки, но коллег это пока что не затронуло. Правда, в целом ряде организаций мужчины не дожидаясь приглашения из военкомата решили покинуть страну, что вызвало необходимость обновлять штат и набирать новых людей.

Некоторые также отмечают очень высокий уровень тревоги в связи со всеми происходящими событиями, что существенно мешает спокойной повседневной работе. В целом же, отношение к мобилизации оказалось схожим с распределением позиций по отношению к самой войне, хоть и с некоторыми нюансами.

«Это, конечно, инфоповод, все обсуждали. Отреагировали с напряжением, но повестки никому не пришли и все успокоились. Сами никто из коллег особо не хотел участвовать в этих событиях, но если бы повестка пришла, никто, наверное, скрываться бы не стал», говорит Алексей. Похожим образом отнесся к мобилизации и Василий: «К СВО отношусь как к неизбежному злу. Решил если придет повестка, пойду».

«Никуда не денешься, надо так надо, но страшно за детей. А там куда не денешься, это страна, мы живем в ней. Но страшно, вдруг ребенок не вернется, у меня у самой сын, слава Богу его пока не призвали и пока что это все остановилось», может отчасти согласится с Алексеем и Василием продавщица Роза.

При личной готовности участвовать в войне, не в восторге от мобилизации и Ангелина Сергеевна: «Я считаю, что должны профессионалы этим заниматься. Если бы было военное положение, то мы бы все пошли. У нас женский коллектив, но мы все медицинские работники, мы все военнообязанные, если бы пришла повестка, то каждая, думаю, пошла бы».

В некоторых организациях в связи с мобилизацией активизировалась работа по военному учету. Осуждающего и войну и мобилизацию Андрея на работе довольно жестко заставили получить наконец военный билет и встать на воинский учет, от чего он ранее довольно успешно уклонялся: «В основном беспокойство за то, что “почему у тебя нет военного билета, когда получишь, нам нужно тебя оформить, иди получай скорее”. Подключили и службу охраны, и юристов». Правда, в других организациях руководство постаралось защитить сотрудников от мобилизации: «К нам пришли из управы и потребовали список лиц мужского пола. Наше руководство их послало и начали составлять ответ с юристами. Но если это не поможет, сказали что будут всех

увольнять, в том смысле что в серую работать, не светить фамилии чтобы», рассказал аналитик данных работающих в онлайн коммерции Игорь.

Ничего хорошего от мобилизации не ожидает торгующая на рынке на Северном Кавказе Илона: «Возможно, теперь торговля станет еще хуже, чем была, отток населения будет. Сейчас как будто замерло все в городе. На рынке не то, чтобы все это обсуждают, есть конечно те, кто очень даже за, есть те кто против, как и я. Некоторые, я знаю, отреагировали определенным образом, но о таком вслух конечно не говорят».

Для многих новость о мобилизации было очень сложно принять эмоционально, тем более что снова, как и после 24 февраля, друзья и коллеги уезжали за границу подальше от войны. «Новость о мобилизации прошла по мне как катком — стало по-настоящему страшно. Случилась вторая волна эмиграции.

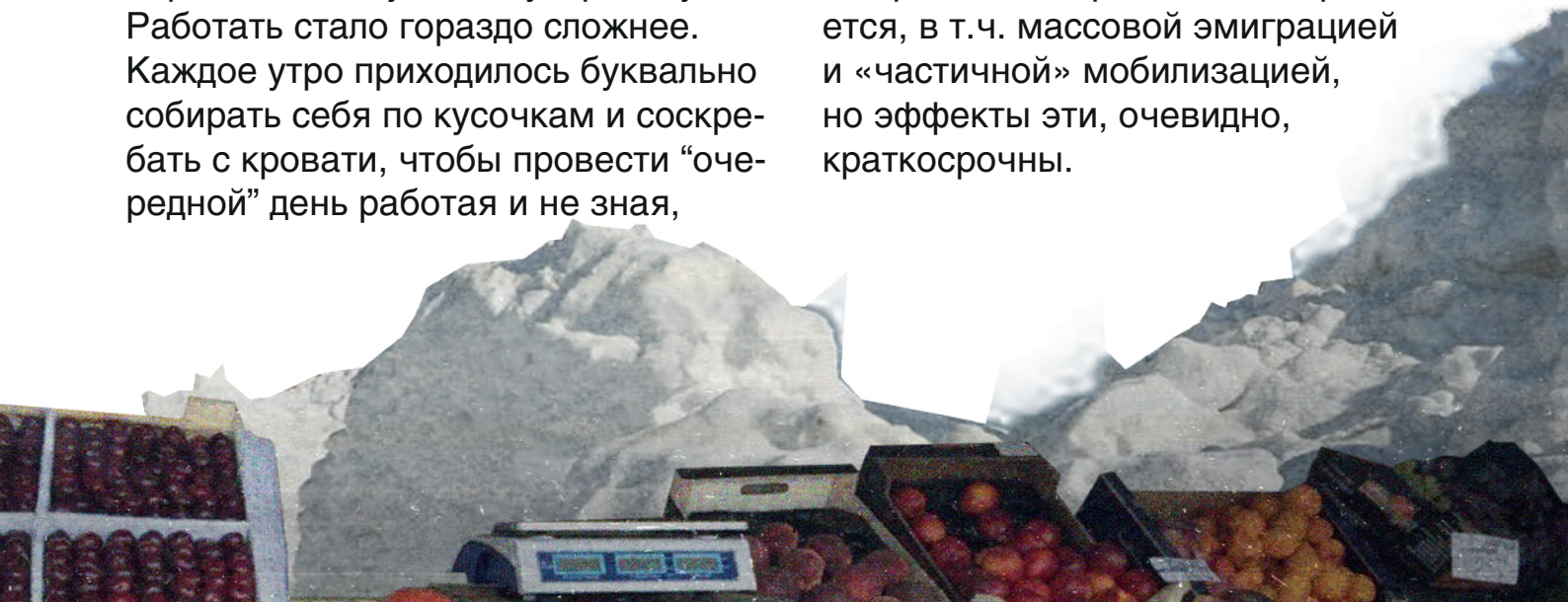
На работе снова произошли изменения — много ребят уволилось, уехали в другие страны, некоторые перевелись на удаленную работу. Работать стало гораздо сложнее. Каждое утро приходилось буквально собирать себя по кусочкам и соскребать с кровати, чтобы провести “очередной” день работая и не зная,

что же будет дальше”» — поделилась своими эмоциями Анастасия.

С началом войны, первых санкций и ухода западных компаний многие, кто с надеждой, кто с паническим ужасом, ожидали резкого падения российской экономики, стремительного роста инфляции, товарного дефицита и сокращения покупательной способности населения. На девятый месяц войны, ничего из этого в предполагаемых масштабах пока что не случилось.

Работники торговли, уже привыкшие к тяжелым условиям и неопределенности, уверяют, что ни война, ни мобилизация их серьезно не коснулись. Тем не менее, можно утверждать, что пусть и не быстро, но изменения происходят. Всем приходится справляться с новыми вызовами и работать становится труднее, доходы собственников сокращаются, и там где это еще возможно, они экономят на работниках.

Наблюдаемый рост тревоги и депрессии, а также явное разделение в обществе по отношению к войне не способствуют производительности труда. И, наконец, до поры до времени безработица сдерживается, в т.ч. массовой эмиграцией и «частичной» мобилизацией, но эффекты эти, очевидно, краткосрочны.

Давид Хумарян
Андрей Шевчук

Военная гигеномика: труд и государственный капитализм платформ в России

С марта 2022 года международные эксперты и экономисты пытаются спрогнозировать глубину и скорость падения задавленной санкциями российской экономики. К счастью для россиян, пока эти прогнозы чаще не оправдываются.

Однако уже сейчас можно констатировать снижение промышленного производства, падение экспорта и потребительского спроса. Как надвигающийся кризис скажется на наиболее прогрессивных и встроенных в международное разделение труда отраслях экономики?

Экономическая модель России привычно ассоциируется с высокой степенью сырьевой зависимости и крайне неравномерным развитием отраслей. Эти проблемы взаимосвязаны. Ставка на добывающий сектор оправдала себя на первых этапах становления российского госкапитализма, но отбросила менее прибыльные отрасли далеко назад — в плане технологий и производительности труда.

В этой несбалансированной модели развития тем не менее случались и истории успеха. Так, несомненно успешной стала интернет-отрасль. Представители российского среднего класса традиционно гордятся качеством цифровой инфраструктуры в банковском секторе, сфере услуг, ритейле и потребительских онлайн-сервисах. В богатых мегаполисах большую индустрию онлайн-потребления обслуживают сотни тысяч гиг-работников разного уровня квалификации. Всех занятых на онлайн-платформах, независимо от специфики оказываемых услуг, объединяет возможность гибкого графика в сочетании с нестабильным наймом. Платформенная экономика в России (как и во всем мире) оказалась достаточно устойчивой к экономическим шокам — пандемия коронавируса взвинтила прибыли и стоимость акций цифровых компаний, а освобожденную вследствие сокращений рабочую силу вобрали платформы. Какой эффект на российскую гиг-экономику оказали война, беспрецедентные санкции и международный кризис? Как эти события отразились на положении платформенного рабочего класса, и что мы можем сказать о возможных сценариях развития?

Как устроена платформенная экономика в России?

За прошедшее десятилетие зарубежные платформенные компании не смогли занять прочных позиций в российской гиг-экономике, а в 2022 году окончательно покинули страну. Очарованность политических элит страны китайским опытом построения суверенной цифровой экономики с высокой вероятностью определит тренд развития национальной гиг-экономики на ближайшие годы — международная изоляция стала лишь легитимным поводом для этого.

В настоящий момент российский рынок поделен в неравных долях между сравнительно небольшим (до двух десятков) числом местных компаний. Три крупнейших бренда на рынке — это «Яндекс», VK и «Сбер». Им принадлежит большая часть популярных онлайн-сервисов и маркетплейсов, а также рынки такси, доставки еды и продуктов. Остальные, заметные, но не входящие в российский Big Tech, интернет-компании оперируют на меньших по объему и менее диверсифицированных рынках услуг, и, на наш взгляд, их шансы на самостоятельное выживание в условиях кризиса все ниже. Сделки со слиянием и поглощением, ротация активов между интернет-корпорациями, — все это характеризовало российский технологический рынок и до войны, но теперь, кажется, процесс ускорился.

Раньше олигополии еще конкурировали друг с другом за одни и те же

рынки сбыта, но в последние годы предприняли скоординированные действия по разделению сфер влияния. Так, «Яндекс» фактически получил монополию на рынки онлайн-рекламы, таксомоторных перевозок и доставки еды из ресторанов, избавившись от «токсичных» активов вроде новостного агрегатора и блогосферы. VK безраздельно контролирует социальные сети и ранее принадлежавшие «Яндексу» информационные ресурсы. Под контроль «Сбера», помимо совместных с VK активов, попали компании по доставке продуктов и готовой еды. Так что сегодня уже можно говорить о квази-монополиях, пришедших на смену олигополиям.

Интересы государства против государства интересов

Большую роль в круговороте цифровых активов и становлении цифровых монополий в России играет государство. Например, «Яндекс», не встретив сопротивления со стороны ФАС, монополизировал отдельные рынки и показательно дистанцировался от политики, но чиновники все же сохранили за собой право «присматривать» за действиями корпорации с помощью наблюдательного совета. В свою очередь, компанию VK возглавил сын Сергея Кириенко, главного куратора кремлевской внутренней политики, и теперь российские соцсети надежно защищены от вторжения враждебной Кремлю идеологии. В условиях блокировки Facebook, Instagram и замедления работы Twitter в России

пользователи и вовсе лишилась альтернативы VK. «Сбер», будучи компанией с государственным участием, сразу после 24 февраля оказался под санкциями, практически локализовав весь бизнес внутри страны. Близкая российским чиновникам идея «суверенитета» во всех сферах общественной жизни, очевидно, затронет и платформы.

На наш взгляд, тенденция к построению госкапитализма платформ в России после 24 февраля приняла более четкие очертания. По-видимому, государственные интересы в сфере регулирования интернет-компаний обусловлены стремлением получить более полный контроль над информацией о гражданах. Но не менее важной целью является регулирование деятельности гиг-работников, а точнее — постепенная легализация квази-неформального рынка труда для заполнения образовавшихся дыр в бюджете. Актуальному российскому законодательству в этой области могли бы позавидовать даже последователи либертарианства.

В Европе и США статус платформенных работников уже несколько лет является предметом острых научных и общественно-политических дискуссий. Обсуждаются предложения о признании платформенных работников равноправными сотрудниками организаций или разработке их особого статуса, а в судах рассматриваются многочисленные иски против крупнейших платформ. Можно сказать, что на Западе государство скорее противостоит платформам, поступательно ограничивая их власть на рынке

труда. В России государство, напротив, выстраивает либеральный режим регулирования гиг-экономики и занятости на платформах, преследуя собственные фискальные интересы. Формируется союз государства, капитала и потребителей против труда.

Либеральная легализация рынка труда

По подсчетам аналитиков рынка, на 2022 год в России насчитывалось порядка 1,7 миллионов работников, указавших платформы в качестве своей основной занятости, и до 15,5 миллионов человек, имевших эпизодический или регулярный опыт работы на платформах.

Хотя в России всегда были возможности правового оформления индивидуальной трудовой деятельности, большинство гиг-работников не имели официальный правовой статус, не подписывали договоры и не платили налоги. В последнее десятилетие среди фрилансеров, совершавших сделки на биржах удаленной работы, официальные договоры регулярно использовали не более 12–15%.

Что касается рынков такси и доставки, то на них сложилась модель опосредованного найма через «прокладки», или «подключашки»: фирмы или ИП заключают партнерский договор с платформами, а затем нанимают работников на условиях подряда или вовсе неформально. Подобным образом платформы избегали как значительной налоговой нагрузки, так и возможных претензий со стороны регулирующих органов.

Однако в последние годы государство предпринимает усилия по легализации самозанятости. В 2019 году работникам предложена упрощенная система регистрации деятельности в качестве самозанятых при чрезвычайно низких налоговых ставках (4–6%). В отличие от опыта предыдущих лет, инициатива получила определенный успех: на сегодняшний момент в качестве самозанятых зарегистрировано более 5,5 миллионов человек.

По сути, задачи легализации неформального сектора решаются за счет либерализации системы занятости. С подачи налогового ведомства платформы все активнее переходят на прямую работу с самозанятыми, минуя посреднические фирмы.

Руководствуясь преимущественно фискальными интересами, государство не сильно интересуется трудовыми правами и социальным положением работников платформ. Публичные и научные дискуссии по данной проблеме находятся в зачаточном состоянии, а в судах зафиксированы единичные случаи исков к платформам касательно статуса работников и их трудовых прав.

В современной России (как и во многих развивающихся странах) платформы способны стать мощным инструментом легализации неформального сектора. На первом этапе государство стремится наладить учет и налогообложение самозанятых. Затем платформам вменяется функция налогового агента, самостоятельно рассчитывающего и взимающего налоги с работника. Наконец вслед за «обелением» сектора

может последовать увеличение налоговой нагрузки на работников. Формирование либерального режима регулирования «суверенной» гиг-экономики — безусловно, негативный сценарий развития событий, прежде всего для рабочих.

Положение рабочего класса в госкапитализме платформ

Платформы публично позиционируют своих работников как индивидуальных предпринимателей, обладающих широкой профессиональной автономией, самостоятельно решающих, где, когда и сколько работать. «Ты будешь работать, как маленький предприниматель, самостоятельная фирма в одном лице», — примерно такими напутственными словами сопровождалось трудоустройство одного из наших информантов в популярный сервис доставки продуктов. Нетрудно догадаться, что и «маленький предприниматель», и «самостоятельная фирма в одном лице» должны брать на себя полную ответственность за жизнь, здоровье, материальное положение, а также любые финансовые и производственные риски.

Гиг-работники получают преимущества гибкого графика, но оказываются в более уязвимом положении в сравнении со штатными сотрудниками предприятий. И реалии 2022 года мало что изменили в расстановке сил на рынке. За исключением того, что возможностей найти хорошо оплачиваемую рабочую профессию после ухода крупных

иностранных производителей стало гораздо меньше. Мы полагаем, что доля нестандартной занятости в крупных городах продолжит расти за счет перетока рабочих из промышленности в сферу услуг. Кроме того, есть основания полагать, что разгоняющийся кризис будет вынуждать предприятия сокращать ставки оплаты труда для штатных сотрудников. Что, в свою очередь, вытолкнет массы квалифицированных рабочих на платформы в поисках регулярной подработки при сохранении основного места занятости. Поэтому комплекс вопросов, связанных с легализацией деятельности гиг-работников и условий труда на платформах, рано или поздно окажется в публичной повестке.

На сегодняшний день можно утверждать, что платформенные работники практически исключены из национальных систем социальной защиты, включая пособия по безработице, медицинское страхование и пенсионное обеспечение. На них не распространяются нормы трудового права, задающие стандарты условий труда: продолжительность рабочего времени, соблюдение требований безопасности и охраны труда. Наконец, гиг-работники не могут объединяться в профсоюзы и проводить забастовки.

На Западе в центре политических дискуссий вокруг платформенной экономики — вопрос о легальном трудоустройстве гиг-работников, сейчас фактически действующих в качестве скрытого наемного персонала (без права на социальные выплаты, медицинскую страховку, премии за увольнение и пр.). Вслед-

ствие массового политического анатомоза в России подобные дискуссии практически не имеют публичного статуса. Однако высказывания отдельных рабочих позволяют предположить, что на данном этапе траектория дискуссии здесь напоминала бы американский случай, где за работниками Uber и Lyft сохраняется статус индивидуальных предпринимателей.

16-летний курьер компании «Яндекс» ценит в своей работе прежде всего гибкость графика, которая позволяет сочетать учебу в школе со стабильным заработком:

«Вот поэтому я выбрал “Яндекс” — просто потому, что там свободный график. Я могу после школы прийти, покушать, собраться и выйти уже на работу, на сколько я хочу».

Люди среднего возраста говорят о нестандартной занятости в схожем ключе, хотя можно было ожидать, что требование стабильного трудоустройства в этой среде лучше отвечает запросу на долгосрочное планирование жизни и финансов:

«Тот же самый отпуск: я заработал себе, решил отдохнуть, ушел на неделю, у меня деньги есть».

Объяснение, по всей вероятности, кроется в состоянии рынка труда и качестве рабочих мест. Сопоставление гиг-занятости с другими доступными вариантами трудоустройства подводит многих рабочих к заключению, что в случае смены места они потеряют значительно больше, чем приобретут. Особенно остро это ощущается в сегменте низкоквалифицированной занятости:

«Я скажу, для должности курьера тут платят очень хорошо, вот что “Яндекс”, что Delivery. Потому что если куда-то устроиться просто курьером, там тысяч 20 [рублей] если заплатят за месяц, это хорошо будет. Здесь платят больше гораздо».

Кроме того, робкие попытки стихийных профсоюзов организовать давление на крупнейшие платформы с целью дать работникам выбор между стандартной и нестандартной занятостью далеко не все встретили позитивно. В случае успеха политической кампании рабочие ожидают не улучшения условий труда за счет сокращения прибыли корпораций, а, напротив, снижения ставки оплаты труда и утраты остальных бонусов:

«Во-первых, это минус сразу свободного времени; <...> придется отработать какой-то минимум часов, обязательных по законодательству; <...> сразу упадет заработок курьеров, и упадет он, как минимум, в два раза. <...> отчисления [в ПФ РФ]; <...> будет какой-нибудь средний заработок в районе 40 тысяч рублей. Например, сейчас ты можешь хорошо поработать и все 100 тысяч сделать».

Такие ожидания не лишены почвы, особенно в преддверии надвигающегося экономического кризиса. Более того, многочисленные исследования подтверждают тренд — в кризисные периоды российские работодатели стремятся сохранить штат за счет снижения расходов на

заработную плату и манипуляций с постоянной и переменной частями выплаты. Иначе говоря, в случае легализации трудоустройства гиг-работники рискуют получить гибкую модель оплаты труда, но с низкими ставками и отсутствием какой-либо гибкости в графике.

Профсоюзы и коллективные действия гиг-работников

В индустриальном обществе профсоюзы и коллективные переговоры выступали важным элементом институционализации классового конфликта и способствовали становлению «государства всеобщего благосостояния».

В отличие от типичных отраслей массового производства, потенциал юнионизации в гигэкономике изначально ограничен мощными структурными факторами. Организационная децентрализация и индивидуализация труда, дефицит соприсутствия, социальная неоднородность рабочих и их интересов, правовая уязвимость неформально занятых и мигрантов препятствуют широкомасштабным коллективным действиям.

Несмотря на запрет участия в забастовках, насчитывается уже более 1271 случая протестных выступлений российских гиг-работников (прежде всего, в доставке и такси). В некоторых из них одновременно принимали участие более тысячи работников. Эти коллективные действия были организованными, массовыми и заметными, и поддержива-

лись в том числе официальными профсоюзами. Формами борьбы помимо забастовок и демонстраций являются скоординированные акции в Интернете и разного рода манипуляции с приложениями (например, массовый логаут работников такси в пиковые часы). Стандартизация труда и относительные возможности физического соприсутствия в формальных и стихийных точках сбора работников делают эти сектора наиболее благоприятными для коллективных выступлений.

В отсутствие традиций независимых профсоюзов в современной истории России платформенным работникам самим приходилось изобретать тактики коллективных действий. Протесты были направлены прежде всего на привлечение внимания СМИ и последующее публичное освещение проблем с требованием уступок со стороны фактического работодателя. Как правило, действия координировались и осуществлялись узким неформальным кругом активистов — но в большинстве случаев количество журналистов на акциях превышало число протестующих, обычно ограничивающихся несколькими десятками человек.

Но и эта тактика поступательно наталкивалась на политические ограничения, которые окончательно оформились после 24 февраля. Во-первых, постепенно нарастал государственный контроль над деятельностью СМИ, который в 2022 году пришел к полному отсутствию независимых изданий и жесткой цензуре, касающейся в том числе освещения низовых протестов. В этих условиях работники фактически лишились основного инструмен-

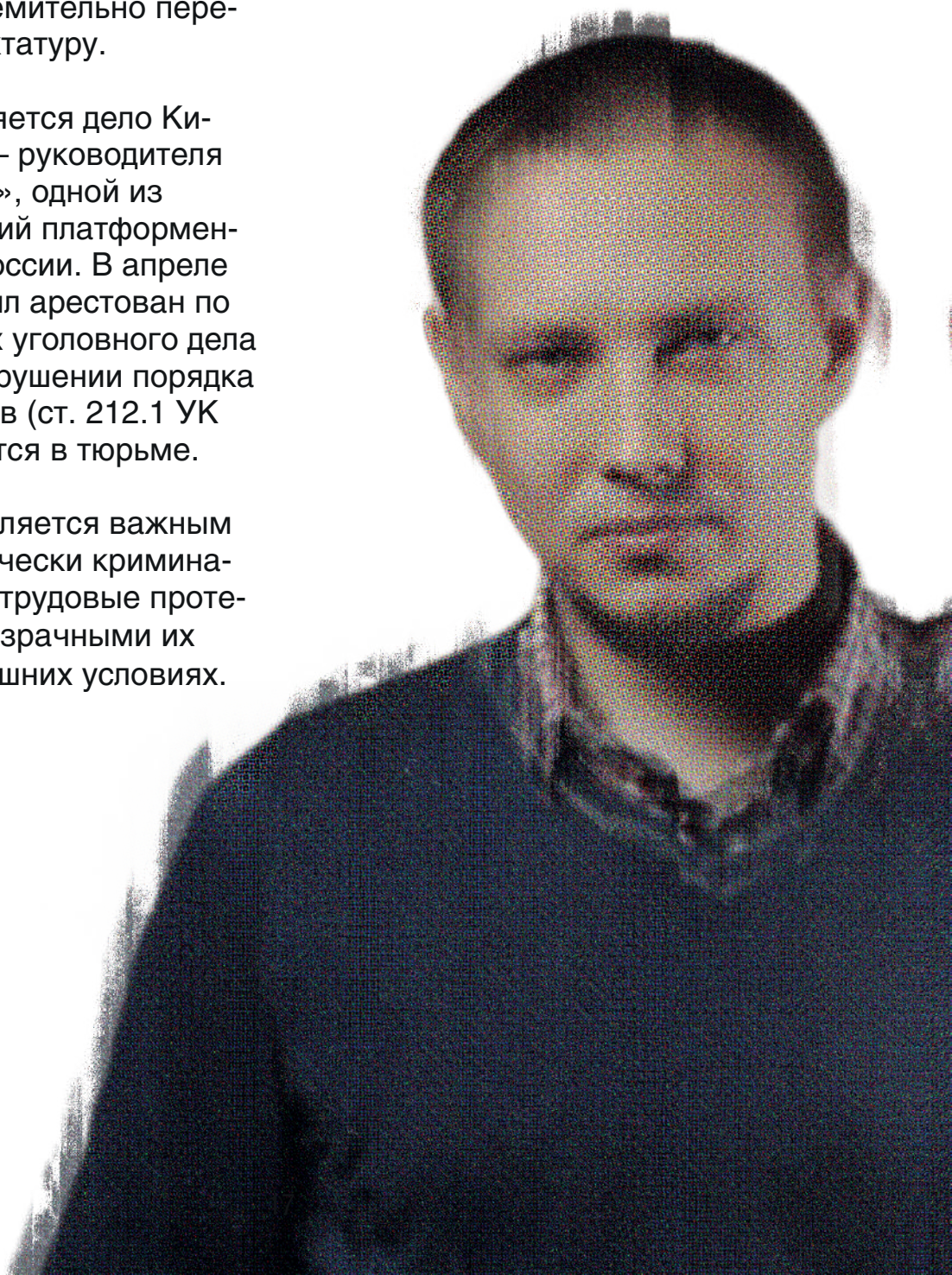
та борьбы — публичного внимания к проблемам платформенной занятости. Во-вторых, происходила государственная политизация коллективных действий в трудовой сфере с их последующей криминализацией. Хотя сами работники, как правило, не выдвигали политических требований, силовые ведомства стали квалифицировать любые низовые коллективные действия как политические.

Это не является уникальным для российской сферы трудовых отношений, а скорее характеризует будни авторитаризма, стремительно перерождающегося в диктатуру.

Показательным является дело Кирилла Украинцева — руководителя профсоюза «Курьер», одной из немногих организаций платформенных работников в России. В апреле 2022 года Кирилл был арестован по обвинению в рамках уголовного дела о неоднократном нарушении порядка проведения митингов (ст. 212.1 УК РФ) и до сих находится в тюрьме.

Дело Украинцева является важным прецедентом, фактически криминализирующим любые трудовые протесты и делающим призрачными их перспективы в нынешних условиях.

Показательным является дело Кирилла Украинцева — руководителя профсоюза «Курьер», одной из немногих организаций платформенных работников в России.

«Сам факт проведения этих занятий неприятен». О нововведениях в российской школе

Александр Покровский

Российская школы крайне не однородна, и описать общее положение школьного работника является непростой задачей. Поэтому в этом тексте я постараюсь осветить только те стороны среднего образования, которые открылись мне после 24

февраля с позиции московского учителя и активиста профсоюза учителей. Как один из ключевых институтов общества школа в полной мере отражает те противоречивые процессы, которые происходят в стране. Проблемы современной школы — насилие, травля, авторитарное самодурство и безвольное подчинение, несправедливость, глупость и невежество — все эти явления во многом лежат и в основании нынешней войны. Но есть и обнадеживающие составляющие школьной жизни: знание, забота, дружба, взаимопомощь, солидарность, диалог поколений, укорененность в жизни местных сообществ. Именно они, на мой взгляд, могут указать выход из сегодняшней общественной и политической катастрофы. К этой мысли я вернусь позже, а сейчас обрисую несколько сюжетов, характеризующих ситуацию в среднем образовании после начала так называемой «специальной военной операции» в Украине.

Унификация и оптимизация

Российская школа подчиняется местной власти на муниципальном и/или региональном уровне и в финансовом плане практически полностью зависит от местного бюджета. Очевидно, что возможности школы, заданные размером и структурой местных бюджетов, значительно отличаются друг от друга не только в разных регионах, но даже в соседних муниципалитетах. Эти различия еще сильнее заявляют о себе из-за работы «подушевого» принципа, в соответствии с которым количество детей в школе определяет фонд оплаты труда, а количество учеников в классе — зарплату учителя. На размер зарплаты в школах также часто влияет произвол школьной администрации по отдельно взятым вопросам, от которых зависит рассчитываемая сумма: манипуляции с учебной нагрузкой, невыплата или несправедливое распределение стимулирующей части фонда оплаты труда. При этом подушевые нормативы финансирования школ (да и образовательных учреждений вообще) годами не индексируются и не отражают реальные финансовые потребности школы в расчете на одного ребенка. В итоге финансирование школ все сильнее отрывается от действительности — либо не растет, либо и вовсе сокращается.

Государство относится к школе исключительно прагматически, как к инструменту, который должен исправно служить его политическим

и социальным задачам, и при этом оставаться дешевым в обслуживании. Именно поэтому после начала войны в Украине требования усилить патриотическое воспитание в школе не повлекли за собой заметный рост финансирования. Так, ранее было объявлено лишь о повышении выплат за классное руководство до 5 000 рублей в месяц и выделении 15 тысяч на специалиста по воспитательной работе (т.е. о введении новой должности «советника директора по воспитанию» с соответствующим окладом). Даже по отношению к бюджету весьма средней провинциальной школы это, мягко говоря, не слишком большие деньги, способные серьезно изменить ситуацию.

На этом фоне Минпросвещения не перестает удивлять публику и работников образования нововведениями, большая часть которых похожа на пустые пиар-ходы или попытки угодить лично президенту Путину (например, создание исторического движения школьников «Сила в правде»). Отдельно стоит выделить недавнее внесение в образовательную программу по истории для 11 класса вопросов о «воссоединении Крыма и Севастополя с Россией» и «специальной военной операции на Украине».

Пока складывается впечатление, что главная цель всех нынешних образовательных реформ — не конкретное изменение содержательной части обучения, а унификация образовательного процесса. В ситуации серьезных политических вызовов и углубляющегося экономического

кризиса, напрямую связанной с войной в Украине, российское государство намерено сделать среднее образование максимально единообразным и, соответственно, легко управляемым.

В этом отношении идеальный пример для чиновников — московская реформа образования начала 2010-х годов. Главный идеологом изменений тогда выступил теперь уже бывший руководитель Департамента образования Москвы Исаак Калина, прославившийся своим знаменитым сравнением учеников с огурцами, которые должны пройти одинаковую засолку в образовательной системе. В Москве эта унификация почти удалась и от бывшего разнообразия осталось всего два типа школ: «хорошие» государственные школы, пользующиеся своей пусть и ограниченной, но автономией, и все прочие школы, от которых требуется беспрекословное подчинение.

Примерно такая модель, видимо, предполагается и для всей России. Но есть одно но: деньги. Государство всеми силами избегает вложений в систему образования, тем более в массовую общеобразовательную школу. В Москве авторитарная унификация Калины проводилась параллельно с некоторым повышением подушевого финансирования обычных школ, поэтому негативные последствия реформы были несколько смягчены дополнительными вливаниями. В большинстве регионов страны общеобразовательные школы занимают последние строки в местных дырявых бюджетах.

Поднимая флаг

С 1 сентября 2022 года Правительство РФ заявило о двух нововведениях — еженедельном торжественном поднятии государственного флага (для этого на территории московских школ были установлены внушительные флагштоки) и дополнительном занятии с пафосным названием «Разговоры о важном», которое должно в обязательном порядке проводиться каждый понедельник. Для того чтобы описать реакцию учеников и учителей на эти идеологические интервенции, приведу несколько примеров из школьной жизни этой осени.

Первый эпизод произошел в одной из московских школ с математическим уклоном, где мне недавно довелось побывать по приглашению коллеги. Двое старшеклассников, юноша и девушка, сидели в школьном коридоре, демонстративно читая классические антиутопии: «1984» Оруэлла и «Мы» Замятина. Этот жест был реакцией ребят на то, что их назначили ответственными за первое поднятие флага в новом учебном году. В этой школе флаг поднимают и спускают классы по очереди, так что следующий шанс показать себя у читателей Оруэлла будет только через несколько месяцев.

Стоит также привести свидетельство классного руководителя из другой московской школы, ученикам которого поручили проводить церемонию поднятия флага на протяжении всего учебного года: «Из всего класса желание участвовать в подъеме и

спуске флага изъявили лишь несколько человек. Но то, с каким рвением они к этому относятся, меня несколько пугает. Они очень расстроились, что церемония будет проходить без строевой подготовки».

Во время урока, который я провожу по пятницам, спуск флага происходил прямо под окном школьного кабинета. Это событие привлекло большое внимание учеников, и ради него пришлось на несколько минут прервать урок (в отличие от наблюдения за недавним солнечным затмением). Большой интерес учеников

здесь, конечно, вызывает не само движение флага, а участники церемониала — то, как они стоят, опускают флаг, а затем торжественно несут его в школу. Сложно сказать, насколько эта церемония способствует росту патриотических настроений. Скорее поднятие флага воспринимается как демонстрация силы государственного принуждения — несмотря на личное отношение, мы (ученики и учителя) обязаны исполнять порученное и альтернативы у нас нет. В этом смысле опыт любого зримого сопротивления этой церемонии сегодня крайне важен.

«Разговоры о важном»

С сентября этого года новая серия занятий «Разговоры о важном» стоит в основном расписании каждой российской школы первым уроком, а тема каждого урока утверждена Министерством просвещения РФ. Многие школьники были явно не в восторге. Как рассказал мой ученик Кирилл, «несмотря на старания классных руководителей, которые стараются сделать урок полезным и познавательным, сам факт проведения этих занятий неприятен». Кирилл считает, что появление такого предмета представляет собой грубое вмешательство государства во внутренний мир школы.

Конечно, не вся тематика «Разговоров» может быть интересна школьникам по утрам в понедельник: например, не вполне понятно, как можно увлечь учеников обсуждением смысла памятных дней вроде Дня народного единства или Дня пожилого человека. Также мало привлекательным выглядит сценарий урока под названием «Мы разные — мы вместе!», на котором детям предлагается обсудить как «исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия» служит «укреплению российской государственности». При этом сложно поспорить с тем, что тема межкультурной коммуникации действительно очень актуальна — растущее социальное неравенство часто приобретает черты этнической сегрегации. Вопиющий пример

такой сегрегации — существование в целом ряде российских школ отдельных «цыганских классов». К сожалению, материалы, рекомендуемые учителям для подготовки и проведения такого «разговора о важном» никак не касаются этой и других актуальных проблем, с которыми действительно могут столкнуться школьники и о которых важно было бы поговорить.

В написанных канцелярским языком сценариях «Разговоров» государство никак не помогает школам решить насущные проблемы образования и не дает инструментов для разрешения постоянно возникающих бытовых конфликтов, часто имеющих этническую окраску.

При этом в случае если классный руководитель решится на такой откровенный разговор, он скорее всего столкнется с сопротивлением и непониманием со стороны своего непосредственного начальства. Тем не менее некоторая часть классных руководителей, в том числе настроенных против войны, оценивает появление «Разговоров о важном» позитивно. У них наконец-то появилось время, когда можно собрать весь класс и обсудить общественные проблемы. Несомненно, диалог — это то, чего российской школе остро не хватает.

Государство не пытается выстроить систему школьного образования заново в соответствии со своими политическими интересами, тем самым превратив ее в отлаженную машину пропаганды. Скорее приме-

нительно к российской школе стратегия заключается в постоянном усилении давления: точечные репрессии, идеологические интервенции, бесконечные проверки и требования бюрократических отчетов. «Разговоры о важном» — яркий пример того, как это стратегия реализуется и как она работает в реальных условиях. Новые уроки не содержат в себе серьезного педагогического содержания, но являют собой чистое насилие, смысл которого в том, чтобы дети увидели, как учителя вынужденно подчиняются государственной воле. И тем самым учат подчиняться своих учеников.

Пропаганда в школах

Размышляя о роли учителя в распространении идеологии можно вспомнить цитату о том, что в Австро-прусской войне 1866 года победил прусский учитель истории (эта цитата иногда ложно приписывается Бисмарку). Если власти, по всей вероятности, мечтают о таком учителе для российской школы, то для родителей школьников он однозначно персонаж ночного кошмара.

Многие родители обосновывают свой отъезд из страны или желание перейти из государственной школы в частную (а то и на домашнее обучение) именно опасением, что ребенок станет объектом воздействия пропаганды. Эти страхи не беспочвенны, и провоенная пропаганда в школах, несомненно, ведется. Однако мой опыт общения с учителями и родителями показывает, что ее основным источником являются телевидение и другие медиа.

Пропагандисты в школах — это, как правило, особый тип учителей, которые в рамках урока могут разыграть перед учениками сценку из ТВ-шоу вроде «60 минут» или «Вечера с Соловьевым». Их не учили этому в пединституте, чаще всего не учат и на курсах повышения квалификации. Это самоучки, иногда самородки.

Таких людей в современной российской школе не так уж много, ведь за подобную пропаганду, как это ни странно, обычно не платят. Государство не стремится специально привлекать своих ярых апологетов к школьной работе — его намного больше интересуют люди, готовые работать на несколько ставок, брать одно или два классных руководства, заполнять отчеты, а также активно участвовать в организации выборов.

В некоторых регионах страны учитель также обязан работать на стройках Универсиады (как это было в Татарстане) и обходить учеников на дому для сбора тех или иных данных (Оренбург, Нижегородская область).

Идеальный учитель для сложившейся на сегодняшний день системы — покорный исполнитель, образцовый винтик, а не зажигательный пропагандист. Учитель, который не хочет соучаствовать в государственной пропаганде, скорее всего легко избежит под грузом первоочередных задач, ведь никто другой не сделает за него всю остальную работу.

Нужна ли учителям бронь?

Объявленная в сентябре этого года мобилизация по-разному отразилась на российских школах и их работниках. В некоторых башкирских деревнях, как рассказывает уехавший от мобилизации преподаватель Айрат, сначала учителей попросили разносить повестки, а потом их же самих стали призывать на войну. О такой же мобилизации учителей рассказал и якутский педагог Анатолий, также вынужденный покинуть родную республику.

Что касается московских школ, то из них тоже стали исчезать мужчины-учителя. Так мой коллега Олег, уехавший в Ташкент, рассказывает, что когда он пришел в свою школу 28 сентября, то есть через неделю после начала мобилизации, на него все смотрели с нескрываемым удивлением: «Ты что, еще здесь?» Единственный, кто из коллег не предлагал ему уехать и даже уговаривал остаться, был сам директор школы. Действительно, в отличие от многих других городов и деревень, в Москве учителей не мобилизовали в массовом порядке, а директорам удавалось «прикрывать» педагогов, если те получали повестки.

Сейчас, после объявленного завершения мобилизации, начался процесс официального оформления брони московским учителям. Значит ли это, что при сле-

Идеальный учитель для сложившейся на сегодняшний день системы — покорный исполнитель, образцовый винтик, а не зажигательный пропагандист.

дующей волне мобилизации московских учителей не тронут? Этого никто не знает.

Масштаб кадрового голода в школах пока точно неизвестен, но в телеграме есть несколько чатов уехавших из России учителей, и в них состоят тысячи человек. Это те, кто принял решение в ближайшее время не возвращаться в страну и ищет работу за границей, а также те, кто взял отпуск за свой счет и переживает мобилизацию в одной из стран нынешнего российского исхода. В городах Центральной Азии сформировались целые учительские сообщества. Особенно выделяется Ташкент, где регулярно проходят встречи учителей из России, а местные школы, как рассказывает Дмитрий, директор одной из них, смогли за счет притока иммигрантов восполнить дефицит кадров.

В одном антивоенном учительском Интернет-сообществе недавно произошла дискуссия о том, стоит ли сейчас настаивать на брони для учителей. Часть участников сообщества указывала, что в призыве освободить учителей от участия в военных действиях можно увидеть

оправдание этих действий: мол, сами мы не против войны, только вот учителей туда отправлять не надо. Другие же настаивали, что чем меньше будет у российской армии ресурсов, тем лучше, и добиваться брони — тоже своего рода форма сопротивления войне.

В то же время актуальной для учителей остается борьба за трудовые права на своем рабочем месте.

Как отмечают участники профсоюза «Учитель», происходящее пока не сказалось на профсоюзных организациях с т.з. их роста или сокращения. Учителя продолжают объединяться и отстаивать свои права по всей стране.

Сопротивление возможно

За последние месяцы известны, по меньшей мере, несколько десятков скандалов, вызванных открытыми антивоенными выступлениями учителей перед школьниками.

Как правило, подобные скандалы начинались с того, что ученики тайно записывали речь учителя и выкладывали ее в интернет или передавали родителям, которые уже писали жалобы директору и в прочие инстанции. Такие антивоенные высказывания учителей часто приводили к увольнениям, которые освещались в СМИ.

Эти случаи наглядно показывают, насколько уязвим учитель антивоенных взглядов, особенно в ситуации конфликта с кем-либо из учащихся: они могут использовать запись как

орудие мести против учительского деспотизма, плохих оценок или просто из классовой ненависти к работникам школы.

К счастью, мы пока не знаем случаев, когда учителя литературы уволили за анализ антивоенной прозы Льва Толстого или разбор «Красного смеха» Андреева, а учителя общественнознания — за обсуждение этики, гуманизма или международного права, и осуждение войны как способа разрешения конфликтов в международной политике. Наоборот, сегодня в соцсетях можно нередко увидеть фотографии школ, обклеенных голубками и словами о мире.

Многим учителям, в том числе и мне, на настоящий момент важнее не произнести оценку конкретного политического события в классе, а донести до учеников ценности гуманизма и справедливости. Правда, иногда именно ценностный подход требует прямого и категоричного высказывания о происходящем. Чтобы иметь такую возможность, к сожалению, нужно быть уверенным, что никто из учеников не попытается использовать высказанное как компромат на учителя.

Безусловно, высказывания учителей и воспитание учащихся в антивоенном духе является элементом сопротивления. В авторитарной системе каждый шаг против захватнической войны будет ослаблять гегемонию милитаризма и путинизма. И выполняя свою работу честно, учителя могут помочь сформировать следующее поколение тех, кто не будет по первому призыву идти в военкоматы и отправляться оккупировать соседние страны.

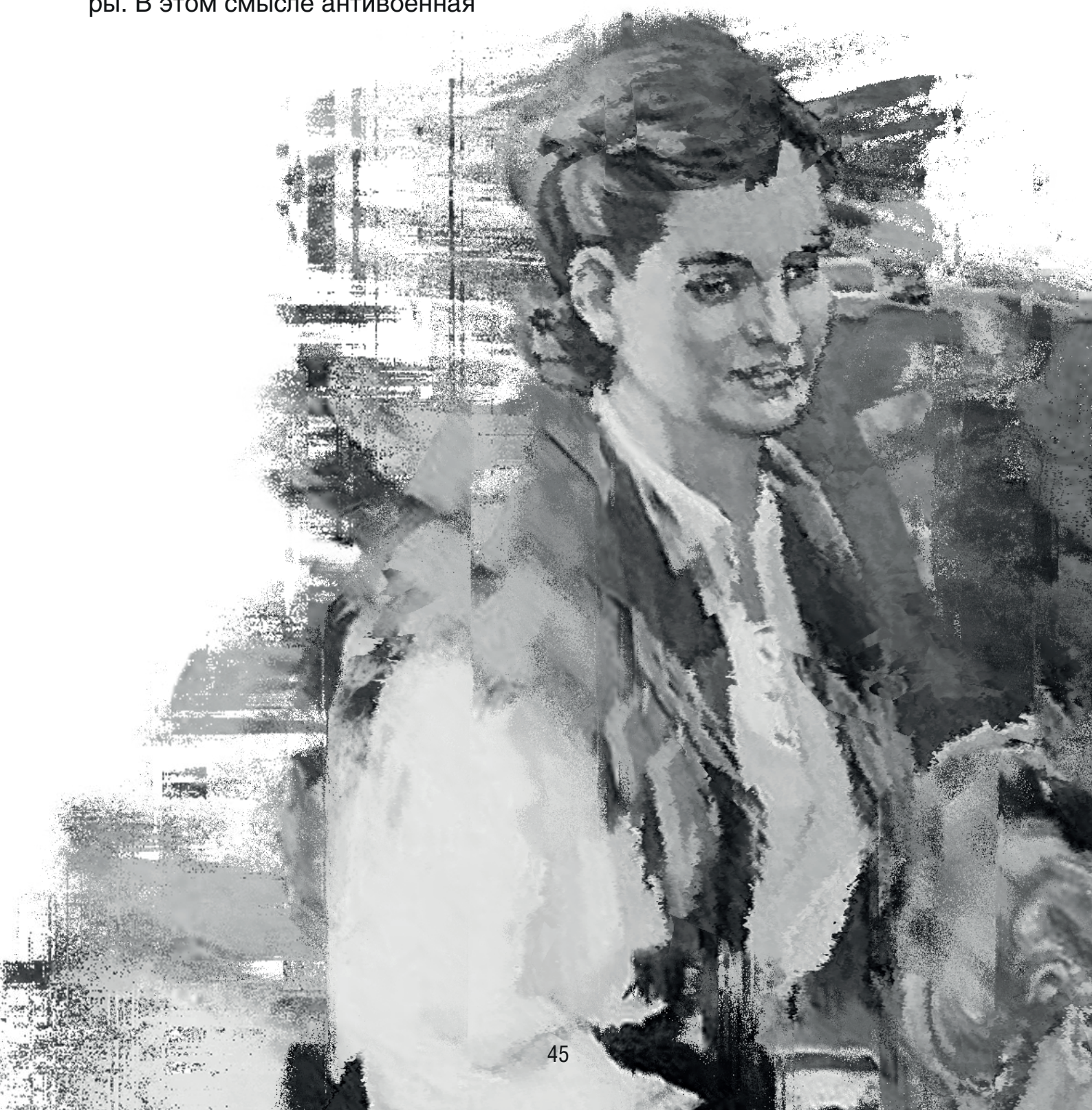

С другой стороны, не менее важным остается объединение учителей на рабочем месте, чтобы отстаивать свои базовые интересы: достойную зарплату и условия труда, а также свободу преподавания.

Логика войны представляет собой пожирание экономических, человеческих и моральных ресурсов всей страны ради бессмысленной авантюры. В этом смысле антивоенная

позиция не может быть последовательной без возвращения содержания жизни самим себе. Эти ресурсы должны быть направлены на острейшие социальные проблемы России, в том числе существующее в школе.

Поэтому, несмотря на трудности, необходимость социальной и профсоюзной борьбы ощущается еще острее.

Что будет после войны?

Школьная реформа могла бы стать одним из способов выхода из той катастрофы, в которую война ввергла Россию.

Если использовать сырьевые доходы для создания гуманной и качественной школы, вложить средства в подготовку учителей, ремонт школьных зданий и создание системы социальной, учебной и психологической поддержки учащихся, то российское общество сможет

решать свои фундаментальные проблемы и залечивать раны, нанесенные бессмысленной войной. Не зря на протяжении последних десятилетий представители образовательного сообщества, несмотря на давление со всех сторон, так последовательно отстаивали принцип независимости школы. Ведь именно внутренняя свобода школы как сообщества превращает ее в место, где дети могут найти атмосферу доверия и безопасности.

Серия публикаций о положении
наемных работников и работниц
в России подготовлена при поддержке
«Фонда им. Фридриха Эберта»

